

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ И КОРРУПЦИЯ

© 2017 г. Ю. Нисневич

В статье рассматривается современный авторитаризм во взаимосвязи с коррупцией. При таких авторитарных режимах, как коммунистические режимы, постколониальные диктатуры и авторитарные монархии, коррупция играет существенную роль, но основой функционирования режимов остается традиционное для авторитаризма принуждение, включая физическое. Однако последняя четверть XX в. ознаменовалась появлением опровергающих “теорию транзита” недемократических режимов нового типа, которые условно можно назвать неоавторитарными. Такие режимы основываются на динамичной взаимосвязи принуждения и коррупции, при которой в зависимости от складывающейся внутривластной ситуации и решаемых режимом политических, экономических и социальных задач в роли доминирующего механизма выступает либо коррупция, либо принуждение. Происходит коррупционный “захват государства” правящими политико-экономическими группировками, которые приватизируют публичную власть и используют все ее властно-принудительные полномочия и административные ресурсы для достижения своих корыстных целей. Показано, что государства с правящими диктатурами являются в среднем более хрупкими, чем государства с экономически “эластичными” неоавторитарными режимами, хотя границы между этими режимами размыты и достаточно условны. При этом все государства с правящими авторитарными и неоавторитарными режимами, за исключением некоторых монархий, относятся к нестабильным, и в перспективе следует ожидать либо существенных трансформаций, либо крушений подобных режимов.

Ключевые слова: авторитаризм, коррупция, принуждение, неоавторитарный режим, несостоятельность государства.

Статья поступила в редакцию 04.04.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-1-108-120

ПРИВОДНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Основой функционирования современного государства служит совокупность таких трех “приводных” механизмов политических, экономических, информационных и иных социальных процессов, как конкуренция, принуждение и, к сожалению, политическая/экономическая коррупция. Представляется, что тип правящего в государстве политического режима определяет, а следовательно, наряду с известными в политической науке подходами и классификациями [1; 2; 3], может быть определен и тем, какой механизм из указанной триады выступает в качестве доминирующего.

При демократическом политическом режиме главным и доминирующим “приводным” механизмом всех политических, экономических, информационных и иных социальных процессов в государстве служит конкуренция, которая в самом общем виде определяется как “соперничество, соревнование людей, групп, организаций в достижении сходных целей, лучших результатов в определенной общественной сфере” [4]. Естественно, имеется в виду добросовестная,

транспарентная и профессиональная конкуренция в законодательно-правовом поле.

Нормативные правила конкуренции в каждой конкретной сфере определяет и регулирует публичная власть, которая призвана использовать для обеспечения соблюдения таких правил всеми субъектами конкуренции свои властно-принудительные полномочия, основанные на монопольном праве государства на легальное и публичное принуждение, в том числе и силовое. Властно-принудительные полномочия государства используются и как основной механизм при решении тех задач управления делами государства, которые по своей сути и целям не предполагают конкурентного регулирования (национальная оборона и безопасность, охрана правопорядка, судопроизводство и некоторые другие) [5, с. 11]. В таком контексте ограниченное нормативными правовыми установлениями принуждение совместимо с конкуренцией и, более того, необходимым образом дополняет конкуренцию в управлении делами государства. Монополия государства на такое цивилизованное принуждение подобна естественной монополии в экономике, без которой нельзя обеспечить эффективное производство определенного вида продукции или оказание определенных услуг при ограниченных ресурсах. С другой стороны, именно конкуренция, прежде всего в политической и информационной сферах, призвана защитить граждан от противоправного властного

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20 (nisjulius@gmail.com).

принуждения, противодействовать узурпации публичной власти и возникновению в этой сфере тотальной монополии, при которой, как писал Л. Мизес, “монополист, неважно, индивид или группа индивидов, единолично контролирует обстоятельства, обеспечивающие человеческое выживание, <...> обладает властью уморить голодом всех, кто не повинуется его приказам” [6, с. 262].

Современная мировая практика показывает, что одним из наиболее значимых факторов, заметно искажающих идеальную картину конкуренции как основного механизма функционирования демократического государства, служит коррупция, которая способствует созданию “неестественных” монополий в различных сферах общественной жизни. Коррупция, которая полностью неискоренима и всегда таится в “темных углах” любой административной системы, в том числе и системы публичной власти даже при правящем демократическом режиме, способна начать интенсивно распространяться как раковая опухоль при ослаблении конкуренции, которая служит основой противодействия коррупции посредством внешнего политического и гражданского контроля деятельности публичной власти [7].

Схематично взаимоотношения конкуренции, принуждения и коррупции как “приводных” механизмов политических, экономических, информационных и иных социальных процессов при демократическом режиме представлены на рис. 1.

В исторической ретроспективе принуждение вплоть до прямого физического насилия было доминирующим в классических автократиях (тирании в Древней Греции, деспотии древневосточных государств, диктатуры в Древнем Риме, абсолютные монархии в Средневековье и более поздние исторические периоды). В новейшей истории жесткое силовое принуждение, включая массовое физическое уничтожение неугодных, выступало доминирующим механизмом при тоталитарных режимах [8]. При этом, наряду с принуждением, коррупция играла существенную роль в функционировании исторических автократий (в различных проявлениях от прямого взяточничества до фаворитизма) и тоталитарных режимов (в специфических формах материальных и социальных льгот и привилегий) [9]. Такие режимы, с одной стороны, стремились бороться с коррупцией в среде обслуживающих правителей чиновников, а с другой — с целью обеспечения поддержки и укрепления своей власти правители создавали условия, порождающие новых коррупционеров и стимулирующие расцвет коррупции.

В настоящее время сохраняются, естественно, с заметными изменениями некоторые виды автократий. А именно монархии, в которых монархи и монархические династии обладают реальными, а не символическими властно-принудительными полномочиями.

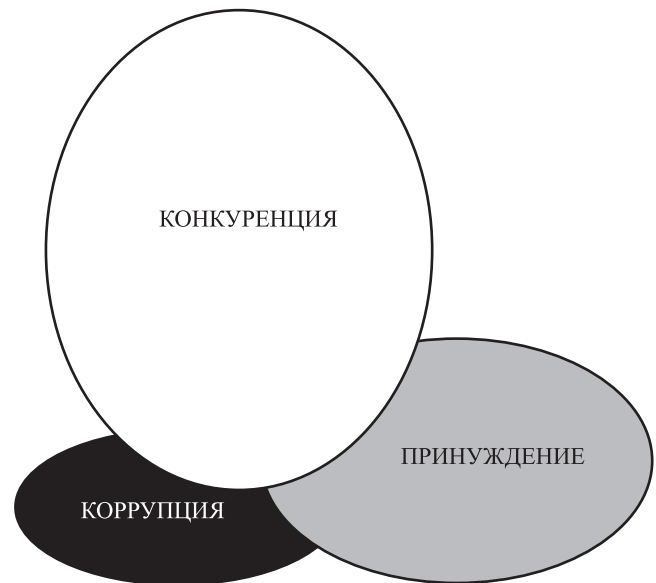

Рис. 1. Демократический режим
Источник: здесь и далее (рис. 2–5) – разработка автора.

Автократии, имеющие место при таких разновидностях республиканской формы правления, как президентская или смешанная (полупрезидентская) республика, по стилю правления можно обозначить как постколониальные диктатуры. Такие диктатуры, которые преимущественно носят персоналистский характер, имеют разброс авторитарных характеристик по многомерной классификации Ленца–Степана [10] от султанистских до военно-бюрократических и в некоторых случаях трансформировались в те или иные коллективные формы господства.

Из присущих такой форме правления, как советская республика [11], тоталитарных режимов “в чистом виде” сохранился только правящий в Корейской Народно-Демократической Республике коммунистический режим, который приобрел характер наследственного династического правления. Сохранилось и несколько авторитарных коммунистических режимов, образовавшихся в результате трансформаций исходных тоталитарных режимов в более “мягкие” авторитарные формы, по классификации Ленца–Степана обозначающиеся как посттоталитарные.

Правящие режимы, которые используют принудительные и силовые методы для регулирования основных социальных отношений, принято обозначать как авторитарные [12, сс. 243–248]. Они формируются, как правило, в результате государственных (династических, внутриэлитных, военных) переворотов или “ползучей” концентрации власти в руках лидеров или отдельных элитарных группировок, которые осуществляют власть либо в форме коллективного господства (например, в виде власти отдельной партии, военной хунты, политико-экономической группировки), либо

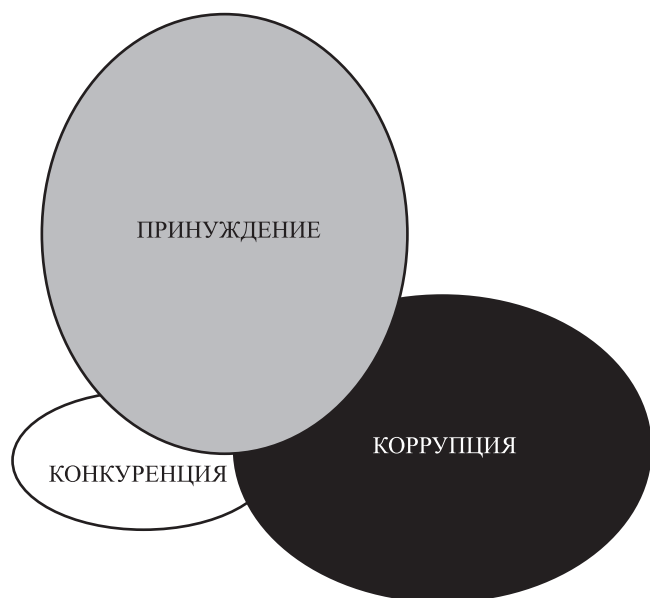

Рис. 2. Авторитарный режим

в форме единовластия того или иного харизматического лидера. При авторитарных режимах доминирующим механизмом их функционирования служит прежде всего силовое принуждение, направленное на уничтожение любой политической конкуренции, но при этом наряду с принуждением существенную роль в управлении делами государства играют и различные виды коррупции.

Схематично взаимоотношения принуждения, коррупции и конкуренции как “приводных” механизмов политических, экономических, информационных и иных социальных процессов при *авторитарном режиме* представлены на рис. 2.

В последней четверти XX в. в семи различных регионах мира получила развитие тенденция изменения политического ландшафта в результате крушения диктаторских и коммунистических режимов, воспринятая как глобальная тенденция демократизации, которая благодаря С. Хантингтону стала широко известна как “третья волна” демократии и даже породила новое направление академических исследований под названием “транзитология” [13]. Однако политическая практика не подтвердила ее прямолинейность. В реальности на месте рухнувших авторитарных режимов стали возникать не только демократические, но и иные режимы, — хотя и отличные от жестких авторитарных, в то же время и не демократические.

Попытки определить такие режимы в рамках теории “демократических транзитов” путем введения в научный оборот “демократий с прилагательными”, различных “переходных”, “гибридных”, “имитационных” и прочих “недо- и псевдodemократий” оказались бесплодными. Как справедливо полагает

А. Мельвиль, “демократии с прилагательными” нужно концептуализировать в иной недемократической понятийной рамке: «Отсюда следует, что в фокусе анализа должны быть не те или иные “прилагательные” и “демократии”, а сам предмет (предикат), который, строго говоря, вовсе не является демократией. Но раз так, то важной задачей политической компаративистики становится типологизация современных недемократий, то есть автократических режимов нового типа» [14].

Как показывает анализ механизмов функционирования таких режимов, в качестве их характерной отличительной особенности можно выделить тот факт, что принуждение и коррупция здесь находятся в тесной взаимосвязи и дополняют друг друга в подавлении прежде всего политической и информационной, а также экономической конкуренции. Обусловлено это, видимо, следующим. Если правящий режим не является наследственной монархией, то, как писал Ф. Фукуяма, “из-за набирающего силу мнения, что в современном мире единственный легитимный источник власти — демократия ..., даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы” [15, сс. 56-57]. А необходимость имитации выборов обуславливает необходимость создавать симулякры демократических институтов и порядков и использовать наряду с принуждением политическую коррупцию для гарантированного обеспечения правящему режиму требуемых результатов мероприятий, именуемых “выборами”, и удержания приватизированной публичной власти в своих руках.

С другой стороны, подобный режим представляет собой режим “доминирующей власти”, при котором, как его характеризует Т. Карозерс, «результатом длительного удержания власти одной политической группировкой обычно становится крупномасштабная коррупция и “приятельский капитализм” (*crony capitalism*)» [13]. Режим такого типа Л. Гевелинг определил как клептократия — “власть воров”, которая “представляет собой базирующуюся на коррупции форму организации власти и адекватную ей социально-политическую группу, члены которой, допуская серьезные нарушения общественных норм, используют свои властные (обычно государственно-политические) полномочия для быстрого самообогащения и укрепления ключевых позиций в обществе” [16, с. 10].

Функционирование такого режима, который можно обозначить как авторитарно-клептократический или неоавторитарный, основывается на динамичной взаимосвязи принуждения и коррупции, при которой в зависимости от складывающейся внутривластной ситуации и решаемых режимом

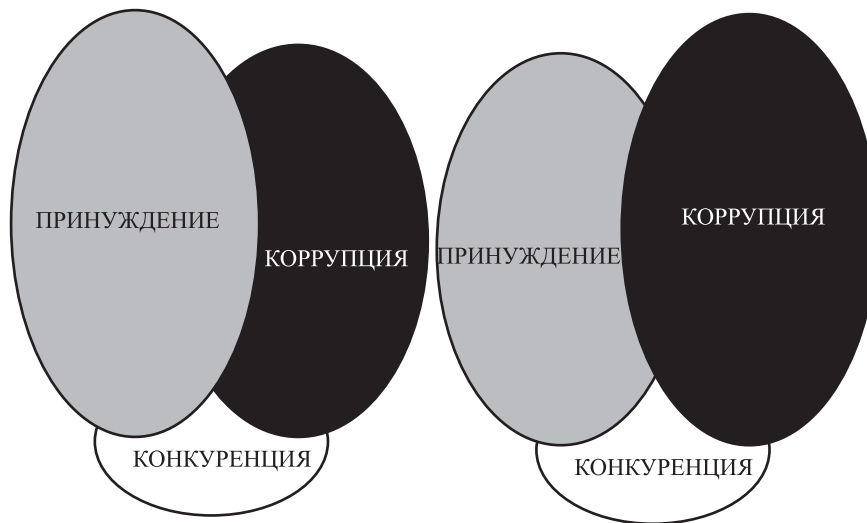

Рис. 3. Неоавторитарный режим

текущих политических, экономических и социальных задач в роли доминирующего механизма выступает либо принуждение, либо коррупция. При этом преимущественное использование неоавторитарным режимом того или иного из этих механизмов существенным образом зависит от конкретной реализации в конкретном государстве таких различных типов неоавторитарного режима, как корпоративный или персоналистский (режим личной власти).

Схематично взаимоотношения принуждения, коррупции и конкуренции как “приводных” механизмов политических, экономических, информационных и иных социальных процессов при *неоавторитарном* режиме представлены на рис. 3.

КОРРУПЦИЯ ПРИ НЕОАВТОРИТАРНОМ РЕЖИМЕ

При неоавторитарном режиме коррупция приобретает всеохватывающий характер и происходит коррупционный “захват государства” [17, с. 343], в результате которого правящие политико-экономические группировки полностью приватизируют публичную власть, используют все ее властно-принудительные полномочия и административные ресурсы для достижения своих корыстных целей. В “захваченном государстве” политическая и экономическая коррупция приобретает системный характер и становится ключевым механизмом функционирования такого государства, вытесняя добросовестную и транспарентную конкуренцию, способствуя образованию монополий, подчиненных правящим группировкам, в политической, экономической, информационной и иных сферах жизнедеятельности общества и государства.

Политики, пришедшие во власть с целью ее приватизации и последующего “захвата государства”, всегда начинают свою деятельность со злоупотреблений регуляторным ресурсом в сфере кадрового обеспечения публичной власти и законодательным ресурсом. И это не зависит от того, каким образом произошло первоначальное вхождение в систему публичной власти.

Первоначальное внедрение в систему публичной власти может произойти в результате процесса, отправной точкой которого служит “скупка государства”. В ходе такого процесса представители “скупающих государство” экономических агентов, и в первую очередь финансово-промышленных групп, и корпораций олигархического типа, начинают непосредственно сами интегрироваться в систему публичной власти, занимают публичные как политические, так и административные должности. При этом происходит прямое проникновение бизнеса во власть, их превращение в сиамских близнецов, совмещаются политические и бизнес-элиты, и таким образом формируются правящие политико-экономические группировки. Примером подобного процесса может служить внедрение крупных бизнесменов в структуры законодательной и исполнительной власти Нигерии, которое началось в первой половине 60-х годов XX в. после провозглашения независимости страны и продолжилось как минимум до начала Четвертой республики в конце XX в. [16].

Приход во власть с целью “захвата государства” может происходить также в результате переворотов и силовых действий (как, например, в случае с лейтенантом Я. Джамме в 1994 г. в Гамбии после военного переворота [18] или с этническими группировками в 1991 г. в Эфиопии после свержения правительства

Менгисту Хайле-Мариам [19]) и даже в результате относительно свободных и конкурентных выборов с последующей “ползучей” концентрацией власти в руках победителей (как в случаях с выборами президентов: в Беларуси А. Лукашенко в 1994 г., в Венесуэле У. Чавеса в 1998 г. и в Российской Федерации В. Путина в 2000 г.)¹.

Решение кадровых вопросов в целях “захвата государства” начинается с того, что представители вошедших тем или иным способом во власть сил, назначенцы поддерживающих эти силы финансово-промышленных групп и корпораций (в том числе и в качестве платы за такую поддержку) и другие присягнувшие на лояльность кадры назначаются не только на высшие политические должности государства (что вполне правомерно и политически обосновано, если вхождение во власть состоялось в результате свободных и честных выборов), но и вопреки принципу политической нейтральности государственного аппарата, судебной системы, правоохранительной системы и вооруженных сил на все административно значимые должности в этих структурах. Это делается для того, чтобы взять всю систему публичной власти под свой тотальный контроль. Аналогичным образом осуществляются назначения в руководящие органы государственных и находящихся под контролем государства корпораций, компаний и банков, а также СМИ с целью взять под контроль как финансовые потоки, так и информационное пространство страны.

Параллельно, посредством злоупотреблений законодательным ресурсом, начинает с ускорением раскручиваться маховик политической коррупции. Законодательство “совершенствуется” с целью ограничения политической конкуренции, возможностей для легальной деятельности оппозиции (вплоть до ее полного устранения) и создания условий для доминирования правящих сил и групп в поле политики и, прежде всего, в последующих избирательных циклах.

При этом постоянно нарастающая политическая коррупция не только сама непосредственно начинает разъедать изнутри систему публичной власти, обрекая ее на деградацию и саморазрушение, но и создает питательную почву для распространения в государственно-бюрократической среде всех видов экономической коррупции, что в конечном итоге приводит к коррупционному “захвату государства” правящими политико-экономическими группировками. Это происходит вследствие того, что политический и государственный деятель, захвативший и удерживающий власть посредством политической коррупции, теряет иммунитет ко всем видам коррупции, к последней как таковой.

¹ Здесь и далее используются названия государств в соответствии со списком государств – членов ООН, приведенным в русскоязычной версии официального сайта ООН. Available at: <http://www.un.org/ru/members/> (accessed 22.09.2016).

В процессе и по окончании приватизации публичной власти, которая осуществляется в течение, как правило, одного-двух избирательных циклов, и создания “стабильной” политической системы правящие политико-экономические группировки практически бесконтрольно злоупотребляют прежде всего законодательным и регуляторным ресурсами для перераспределения природных ресурсов и земли, финансовых средств, государственной собственности и имущества в своих корыстных интересах и целях, для захвата, в том числе и с использованием силового и статусного ресурсов, наиболее прибыльных частных корпораций, компаний и банков, а также способных приносить значительную прибыль структур в сфере досуга, образования, науки и культуры. И при этом посредством злоупотреблений информационно-коммуникационным ресурсом осуществляется систематическое информационное манипулирование массовым сознанием и его агитационно-пропагандистское зомбирование для мобилизации общества на поддержку правящего режима.

В государстве формируется правящий режим авторитарного типа, основой жизнедеятельности которого и осуществляющих этот режим политико-экономических группировок становятся злоупотребления всеми видами административного ресурса публичной власти, политическая и экономическая коррупция в сочетании с властным принуждением.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРИТАРНЫХ И НЕОАВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Для эмпирического анализа правящих в современных государствах авторитарных и неоавторитарных политических режимов используется метод сопоставительно-институционального анализа, исходными данными для проведения которого служат количественные оценки институциональных характеристик суверенных государств современного мира, полученные как результат государствоведческих исследований [20].

Результаты проведенного неправительственной организацией Дом свободы (*Freedom House*) в 2014 г. исследования по программе “Свобода в мире” (*Freedom in the World*) показывают, что из 193 суверенных государств – членов ООН, по экспертным оценкам, 70 государств не являются электоральными демократиями [21]. Электоральная демократия, по используемой Домом свободы методологии, характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании, в ходе которой все партии имеют доступ к средствам массовой информации. Соответствие критерию “электоральная демократия” служит минимально необходимым

Таблица 1. Коммунистические государства

№ п/п	Название государства	ИВК _Н	Тип коммунистического режима
1	Республика Куба	0.54	Персоналистский (Ф. и Р. Кастро с 1959 г.)
2	Китайская Народная Республика (КНР)	0.64	Корпоративный (Коммунистическая партия Китая с 1949 г.)
3	Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ)	0.69	Корпоративный (Коммунистическая партия Вьетнама с 1976 г.)
4	Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР)	0.75	Корпоративный (Народно-революционная партия Лаоса с 1975 г.)
5	Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)	0.92	Персоналистский династический (Семья Ким с 1948 г.)

Источник: здесь и далее (табл. 2–4) – разработка автора.

условием для соотнесения правящего в государстве политического режима с режимами, реализующими современную представительную демократию, а несоответствие – достаточным основанием для признания такого режима недемократическим.

Представляется важным отметить тот факт, что, по данным Всемирного банка 2013 г., в государствах с правящими недемократическими режимами проживает 3018 млн человек или 42.4% от всего населения планеты [22].

Прежде всего, из указанных 70 недемократических государств следует особо выделить 16 государств, на территории которых продолжают или в течение только последних трех-пяти лет приостановлены вооруженные конфликты, в том числе и при участии иностранных вооруженных сил, произошли военные перевороты или смены правящих режимов с использованием силовых структур. Это не означает, что на территории остальных государств нет замороженных или локализованных конфликтов, например, как в случае Карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном.

В группу государств с нестабильными режимами предлагается включить следующие: Афганистан, Арабская Республика Египет, Буркина-Фасо, Гаити, Гвинея-Биссау, Ирак, Йемен, Кот-д’Ивуар, Ливан, Ливия, Мали, Сирийская Арабская Республика, Сомали, Таиланд, Центрально-Африканская Республика, Южный Судан². Для этих государств классификационный анализ правящих политических режимов представляется нецелесообразным, по крайней мере, до тех пор, пока в них не будет достигнута достаточно устойчивая стабилизация внутривластной обстановки.

Остальные 54 недемократических государства можно разделить на две группы: первая – 34 государства с правящими авторитарными режимами, вторая – 19 государств с правящими неоавторитарными

режимами, а также выделить уникальный феномен, который представляет собой Сингапур.

Первая группа государств с авторитарными режимами представляет собой совокупность трех подгрупп.

Первую подгруппу, которую условно можно назвать “коммунистические рудименты”, составляют четыре государства с правящими авторитарными коммунистическими режимами и Корейская Народно-Демократическая Республика, в которой правит последний сохранившийся в мире тоталитарный коммунистический (точнее, национал-коммунистический) режим. Список таких коммунистических государств, ранжированный по значениям нормированного индекса восприятия коррупции (ИВК_Н)³, определенным неправительственной организацией Трансперенси Интернешнл (*Transparency International*) в 2014 г. [25], представлен в табл. 1.

Из табл. 1 следует, что три государства с правящими коммунистическими режимами находятся в зоне коррупции выше средней, которая определяется значениями ИВК_Н > 0.5, и два – в зоне высокой коррупции, которая определяется значениями ИВК_Н ≥ 0.7.

Сравнительно более низкий уровень коррупции на Кубе, в КНР и СРВ, как представляется, обусловлен тем, что высшие руководители этих государств используют борьбу с коррупцией как инструмент для контроля и удержания в повиновении средних и нижних слоев правящей партийной номенклатуры. Это позволяет несколько снизить низовую, деловую и бытовую коррупцию, но практически не влияет на политическую и экономическую коррупцию в высших эшелонах власти.

Следует отметить, что определенную роль в Китае играет публично афишируемое применение смертной казни за такие виды коррупционных преступлений, как расхищение государственного

² Здесь и далее при анализе состояния и характера правящих режимов использовалась информация [23; 24].

³ Значения нормированного ИВК_Н изменяются в диапазоне от 0 (наименьший уровень коррупции) до 1 (наибольший уровень коррупции).

Таблица 2. Государства с жесткими авторитарными режимами

№ п/п	Название государства	ИВК _н	Тип диктатуры
1	Руанда	0.51	Персоналистская (президент П. Кагаме с 2000 г.)
2	Габон	0.63	Персоналистский династический (президенты О. Бонго 1967–2009 гг., А. Бонго (сын) с 2009 г.)
3	Алжир	0.64	Персоналистская (президент А. Бутефлика с 1999 г.)
4	Джибути	0.66	Персоналистская династическая (президенты Х. Аптидон 1977–1999 гг., И. Гелле (племянник) с 1999 г.)
5	Того	0.71	Персоналистская династическая (президенты Г. Эйадема 1967–2005 гг., Ф. Гнассингбе (сын) с 2005 г.)
6	Камерун	0.73	Персоналистская (президент П. Бийя с 1982 г.)
7	Уганда	0.74	Персоналистский (президент Й. Мусевени с 1986 г.)
8	Гвинея	0.75	Корпоративная (военная хунта с 1984 г.)
9	Республика Конго	0.77	Персоналистский (президент Д. Сассу-Нгесса с 1979 г.)
10	Демократическая Республика Конго	0.78	Персоналистский династический (президенты Л.-Д. Кабила 1997–2001 гг., Ж. Кабила (сын) с 2001 г.)
11	Чад	0.78	Персоналистская (президент И. Деби с 1990 г.)
12	Зимбабве	0.79	Персоналистский (президент Р. Мугабе с 1980 г.)
13	Камбоджа	0.79	Персоналистская (премьер-министр Хун Сен с 1985 г.)
14	Мьянма	0.79	Корпоративная (военная хунта с 1988 г.)
15	Ангола	0.81	Корпоративная персонифицированная (Партия труда (МПЛА) с 1976 г., президент Ж. душ Сантуш с 1979 г.)
16	Эритрея	0.82	Персоналистская (президент И. Афеворк с 1993 г.)
17	Судан	0.89	Персоналистская (президент Омар аль-Башир с 1993 г.)
18	Экваториальная Гвинея	—	Персоналистская (президент Т. Мбасого с 1979 г.)

имущества (ст. 384 УК КНР) и взяточничество (ст. 385, 388 УК КНР) [26]. При этом борьба с коррупцией в стране активно используется в качестве инструмента для устранения неугодных претендентов на высшие посты в партийной и государственной иерархии. Примером может служить судьба “перспективного” партийного функционера Бо Силая, приговоренного к пожизненному заключению по обвинению в получении взятки и злоупотреблении служебным положением, его соратника – бывшего министра безопасности Китая Чжау Юнкана – и еще более тридцати осужденных партийных функционеров, занимавших высокие посты в Компартии Китая [27; 28].

Следует также отметить, что КНДР с ИВК_н = 0.92 и Сомали с таким же значением этого индекса стали в 2014 г. самыми коррумпированными государствами в мире.

Вторую подгруппу составляют 17 государств с жесткими авторитарными режимами, которые активно используют в политической сфере силовое принуждение и поэтому могут быть определены как современные диктатуры. Список таких диктатур, ранжированный по определенным

в 2014 г. значениям индекса ИВК_н, представлен в табл. 2.

Из табл. 2 следует, что 13 современных диктатур находятся в зоне высокой коррупции и только четыре – в зоне коррупции выше средней. Индекс восприятия коррупции для Экваториальной Гвинеи Трансперенси Интернешнл не определяет. По данным 2013 г., нормированное значение индекса контроля коррупции, который определяет Всемирный банк [29], для этого государства составляет 0.82, что соответствует зоне высокой коррупции.

Таким образом, можно констатировать, что для авторитарных диктаторских режимов характерна высокая степень коррумпированности. Единственное заметное отклонение составляет самая “молодая” из современных диктатур – Руанда, президент которой П. Кагаме опирается на силовое принуждение вплоть до физического устранения конкурентов в политической сфере, но ориентирован на развитие конкуренции и снижение коррупции в сфере экономики [30].

Третью подгруппу составляют 11 монархий, в которых монархические династии обладают реальными властно-принудительными полномочиями

Таблица 3. Авторитарные монархии

№ п/п	Название государства	ИВК _Н	Тип монархии
1	Объединенные Арабские Эмираты	0.3	Абсолютная федеративная
2	Катар	0.31	Абсолютная
3	Малайзия	0.48	Конституционная федеративная
4	Бахрейн	0.51	
5	Иордания	0.51	Конституционная
6	Саудовская Аравия	0.51	Абсолютная теократическая
7	Оман	0.55	Абсолютная
8	Кувейт	0.56	Конституционная
9	Свазиленд	0.57	Конституционная
10	Марокко	0.61	Конституционная
11	Бруней-Даруссалам	—	Абсолютная теократическая

и главенствуют в управлении делами своих государств. Список таких авторитарных монархий, ранжированный по определенным в 2014 г. значениям индекса ИВК_Н, представлен в табл. 3.

В эту подгруппу не включены еще две конституционные монархии с правящими авторитарными режимами – Таиланд, где в мае 2014 г. произошел государственный переворот и было введено военное положение [31], и находящаяся во второй подгруппе Камбоджа, где в 1993 г. была восстановлена конституционная монархия, но до настоящего времени власть в государстве фактически принадлежит премьер-министру Хун Сену.

Из таблицы 3 следует, что семь современных авторитарных монархий находятся в зоне коррупции выше средней, но близко к нижней границе этой зоны со значениями $0.5 < \text{ИВК}_N < 0.6$; Марроко с $\text{ИВК}_N = 0.61$, Малайзия с $\text{ИВК}_N = 0.48$ и Катар с $\text{ИВК}_N = 0.31$ находятся в зоне коррупции ниже средней; Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) с $\text{ИВК}_N = 0.3$ – в зоне низкой коррупции ($\text{ИВК}_N \leq 0.3$). Индекс восприятия коррупции для султаната Бруней-Даруссалам Трансперенси Интернешнл не определяет. По данным 2013 г., нормированное значение индекса контроля коррупции, который определяет Всемирный банк [29], для этого государства составляет 0.36, что соответствует зоне коррупции ниже средней.

Уникальность феномена Сингапура состоит в той определяющей роли, которую в истории этого небольшого государства, а точнее – островного города-государства с населением 5399 тыс. человек (2013 г.) [32], сыграл один человек, движимый стремлением превратить бедное, лишенное

природных ресурсов и коррумпированное государство в экономически развитую страну с высоким уровнем жизни и искоренить коррупцию. Этот человек – Ли Куан Ю, который с 1959 по 1990 г. возглавлял государство в должности премьер-министра, затем стал старшим министром в правительстве своего преемника Го Чок Танга, сохранив за собой контроль над управлением государством, а в 2004 г. передал власть своему сыну Ли Сьен Лунгу, в правительстве которого до 2011 г. занимал должность министра-наставника, учрежденную специально для него. Но даже уйдя после парламентских выборов 2011 г. из правительства, Ли Куан Ю до самой своей смерти в марте 2015 г. оставался национальным лидером, непререкаемым авторитетом и безусловно центральной фигурой созданного им и правящего в Сингапуре более пятидесяти лет политического режима.

“Мягкий диктатор” Ли Куан Ю создал уникальный авторитарный политический режим, при котором существенным образом ограничиваются политические и гражданские права, но интенсивно стимулируется развитие конкурентной рыночной экономики, жестко обеспечивается соблюдение принципа верховенства закона и создана эффективная система подавления коррупции, для которой не существует неприкасаемых, какие бы высокие должности они ни занимали во власти. Этот ключевой принцип борьбы с коррупцией Ли Куан Ю сформулировал в самой известной из приписываемых ему цитат: “Начав бороться с коррупцией, первым делом посадите трех своих друзей. Вы знаете, за что, и они знают, за что” [33].

Таблица 4. Государства с неавторитарными режимами

№ п/п	Название государства	ИВК _н	Тип неавторитарного режима
1	Шри-Ланка	0.62	Корпоративный (семейные кланы)
2	Армения	0.63	Корпоративный (политико-экономические группы)
3	Эфиопия	0.67	Корпоративный (этнические группы)
4	Мозамбик	0.69	Корпоративный (этнические группы)
5	Беларусь	0.69	Персоналистский (президент А. Лукашенко с 1994 г.)
6	Мавритания	0.7	Корпоративный (военные группы)
7	Азербайджан	0.71	Персоналистский династический (президенты Г. Алиев 1993–2003 гг., И. Алиев (сын) с 2003 г.)
8	Гамбия	0.71	Персоналистский (президент Я. Джамме с 1994 г.)
9	Казахстан	0.71	Персоналистский (президент Н. Назарбаев с 1991 г.)
10	Никарагуа	0.72	Корпоративный персонифицированный (президент Д. Ортега с 2006 г.)
11	Кыргызстан	0.73	Корпоративный (родовые кланы)
12	Нигерия	0.73	Корпоративный (конфессиональные общины)
13	Российская Федерация	0.73	Корпоративный персонифицированный (президенты В. Путин с 2000 г., Д. Медведев (политический преемник) 2008–2012 гг.)
14	Исламская Республика Иран	0.73	Теократический
15	Таджикистан	0.77	Персоналистский (президент Э. Рахмон с 1994 г.)
16	Бурунди	0.8	Корпоративный (этнические группы) персонифицированный (президент П. Нкурунзиза с 2005 г.)
17	Боливарианская Республика Венесуэла	0.81	Корпоративный персонифицированный (президенты У. Чавес 1999–2013 гг., Н. Мадуро (политический преемник) с 2013 г.)
18	Узбекистан	0.82	Персоналистский (президент И. Каримов 1990–2016 гг.)
19	Туркменистан	0.83	Персоналистский (президенты С. Ниязов 1990–2006 гг., Г. Бердымухамедов (политический преемник) с 2007 г.)

Такой режим позволил Ли Куан Ю совершить “экономическое чудо” и решить задачу перехода Сингапура из “третьего мира – в первый”, которую он перед собой поставил [34]. В исследованиях Всемирного экономического форума Сингапур с 2006 г. устойчиво занимает место в пятерке государств с наилучшими показателями глобальной конкурентоспособности [35], в исследованиях Трансперенси Интернешнл с 1998 г. он устойчиво занимает место в десятке государств с самыми низкими уровнями коррупции [36], а по данным Всемирного банка, с 2007 г. входит в пятерку государств с самым высоким ВВП на душу населения по паритету покупательной способности [22].

Однако после ухода из жизни Ли Куан Ю, естественно, остается вопрос о том, будет или нет, и если будет, то в каком направлении, трансформироваться созданный им авторитарный режим личной власти и, что самое главное, сохраняют ли наследники достигнутые результаты единственного однозначно удачного примера “авторитарной модернизации”. При этом следует отметить, что,

по результатам исследований Дома свободы, начиная с 1999 г., Сингапур относится к категории “частично свободных государств” и наблюдается тенденция к медленному смягчению, демократизации правящего режима за счет постепенного расширения гражданских свобод и политических прав его граждан [37].

Список из 19 государств с правящими неавторитарными режимами, ранжированный по определенным в 2014 г. значениям ИВК_н, представлен в табл. 4.

Из табл. 4 следует, что 14 из 19 государств с правящими неавторитарными режимами, то есть более 74% государств этой группы, находятся в зоне высокой коррупции и только пять – в зоне коррупции выше средней, но ближе к ее верхней границе с ИВК_н ≥ 0. 6. Это свидетельствует о высокой коррумпированности государств с неавторитарными режимами и о том, что коррупция действительно служит ключевым механизмом функционирования таких режимов.

* * *

Сравнительный анализ данных, приведенных в табл. 1–4, для наглядного подтверждения которого на рис. 4 представлены диаграммы изменения с 2004 по 2014 г. средних уровней коррупции (ИВК_Н^{СР}) в группах государств с разными типами авторитарных⁴ и неоавторитарными режимами, позволяет выделить следующее.

Подавляющее большинство государств с правящими авторитарными и неоавторитарными режимами в значительной степени поражено коррупцией. По данным Трансперенси Интернешнл 2014 г., в 77% таких государств имел место высокий уровень коррупции с ИВК_Н ≥ 0.7 или существенно выше среднего с ИВК_Н > 0.6. Отклонения от такого порядка представляют собой, естественно, не считая Сингапура, сравнительно менее коррумпированные авторитарные монархии.

Этот факт в отношении авторитарных монархий имеет объяснение в соответствии с предложенной М. Олсоном теорией “стационарного бандита” [38, сс. 33-39]. Поведение правителя – “стационарного бандита” М. Олсон описывает следующим образом: “Стационарный бандит, постоянно контролирующей территорию, позаботится о том, чтобы у жертв была заинтересованность в продолжении производства и осуществлении выгодной торговли. Чем больше их доход, тем больше он сможет отнять. <...> Поскольку жертвы стационарного бандита являются для него источником налоговых платежей, он устанавливает запрет на убийство и причинение увечий своим подданным. А поскольку обкрадывание его подданных и порождаемая им деятельность по защите от воровства сокращают общий доход, бандит запрещает воровать всем, кроме себя самого”.

Современные авторитарные монархи и их династии уверены в том, что будут удерживать власть неограниченно долго, являются главными получателями прибыли от национальной, преимущественно сырьевой, экономики и в таком контексте представляют собой правителей типа “стационарный бандит”. Коррупцию среди обслуживающих их чиновников они воспринимают как “воровство из своего кармана”, разрушающее источники извлекаемой ими административной ренты и наносящее ущерб их доходам и интересам. Поэтому в авторитарных монархиях достаточно жестко борются с деловой и бытовой коррупцией на нижних уровнях власти. При этом коррупция

⁴ Средний уровень коррупции в подгруппе государств с коммунистическими режимами определялся без КНДР, так как данные Трансперенси Интернешнл для КНДР есть только за 2014 г.

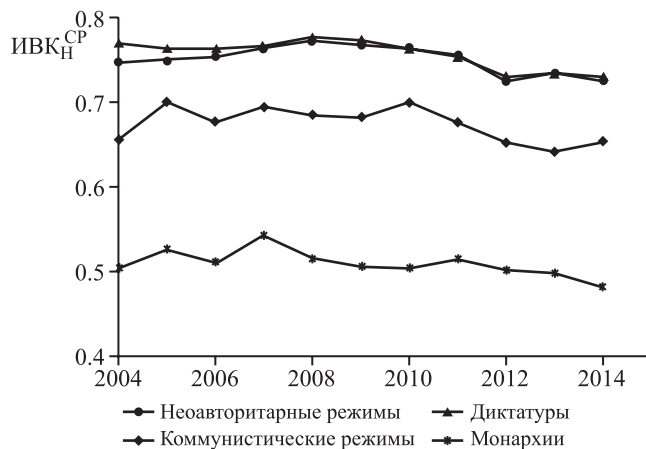

Рис. 4. Изменения средних уровней коррупции в группах государств с разными типами авторитарных и неоавторитарными режимами (2004–2014 гг.)

в высших эшелонах власти сохраняется на высоком уровне, но общий уровень коррупции несколько снижается.

Высокий уровень коррупции характерен как для неоавторитарных режимов, так и для современных диктатур. Это, как представляется, обусловлено тем, что границы между такими режимами достаточно условны и размыты. В последнее время наблюдается тенденция к некоторому “смягчению” современных диктатур, снижению уровня применяемого властью насилия [39] и, соответственно, к дрейфу в сторону неоавторитарных режимов. В свою очередь некоторые неоавторитарные режимы в стремлении любыми средствами удержать власть в своих руках, наоборот, “ужесточаются”, расширяя применение силового принуждения в политической сфере, и таким образом дрейфуют в сторону диктатур.

При этом государства с правящими диктатурами являются в среднем более хрупкими, чем государства с более экономически “эластичными” неоавторитарными режимами и иными авторитарными режимами в целом. Наглядной иллюстрацией этого служат представленные на рис. 5 диаграммы изменения средних уровней несостоятельности для групп государств с разными типами авторитарных и неоавторитарными режимами. Для оценки уровней несостоятельности используются средние для каждой группы значения индекса несостоятельности (хрупкости) государств (ИНГ^{СР}), определяемого по результатам проводимых с 2005 г. совместных исследований неправительственной организации “Американский фонд мира” (*The Fund for Peace*) и американского журнала *Foreign Policy* [40]. Этот индекс изменяется в диапазоне от 0 до 120 (наивысший уровень несостоятельности).

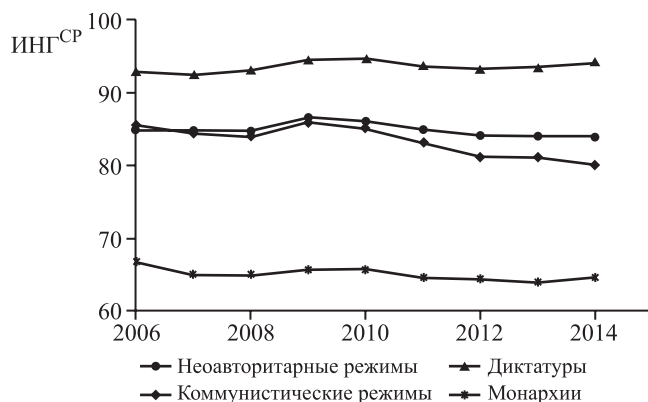

Рис. 5. Изменения средних уровней несостоятельности для групп государств с разными типами авторитарных и неоавторитарными режимами (2006–2014 гг.)

Следует отметить, что практически все государства с правящими авторитарными и неоавторитарными режимами, за исключением таких монархий, как ОАЭ, Оман, Катар, а также Кувейт (но только по данным 2014 г.), относятся к нестабильным, по определению “Фонда мира”, государствам с $ИНГ \geq 60$. Такая ситуация определяется тем, что использование жесткого принуждения, и прежде всего силового, повышает нестабильность правящего режима и делает государство более хрупким и несостоятельным в решении стоящих перед ним задач и проблем. Поэтому в перспективе следует ожидать либо существенных трансформаций, либо крушений подобных режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Advarers M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regime. *Studies in Comparative International Development*, 1996, vol. 31, no. 2, pp. 3-36.
- Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 430-451.
- Шкель С. Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. *PolitBook*, 2013, № 4, сс. 120-139. [Shkel' S. N. Novaya volna: mnogoobrazie avtoritarizma v otrazhenii sovremennoi politicheskoi nauki [New Wave: a Variety of Authoritarianism in the Reflection of Modern Political Science]. *PolitBook*, 2013, no. 4, pp. 120-139.]
- Российский энциклопедический словарь. Москва, Большая российская энциклопедия, 2001. 1247 с. [*Rossiiskii entsiklopedicheskii slovar'* [Russian Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2001. 1247 p.]
- Нисневич Ю. А. Государственная власть современной России. Москва, Аспект Пресс, 2008. 494 с. [Nisnevich Yu. A. *Gosudarstvennaya vlast' sovremennoi Rossii* [The State Power of Modern Russia]. Moscow, Aspekt Press, 2008. 494 p.]
- Фон Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Москва, Экономика, 2000. 878 с. [Von Mises L. *Chelovecheskaya deyatelnost'*. *Traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human Action. A Treatise on Economics]. Moscow, Ekonomika, 2000. 878 p.]
- Нисневич Ю. А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход. *Полис*, 2014, № 6, сс. 32-51. [Nisnevich Yu. A. *Publichnaya vlast' i korruptsiya: sotsial'no-antropologicheskii podkhod* [The Public Power and Corruption: the Socio-Anthropological Approach]. *Polis*, 2014, no. 6, pp. 32-51.]
- Аренд Х. Истоки тоталитаризма. Москва, ЦентрКом, 1996. 672 с. [Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow, TsentrKom, 1996. 672 p.]
- Нисневич Ю. А. Историческая ретроспектива коррупции с уточнениями и дополнениями. *Общественные науки и современность*, 2015, № 3, сс. 90-100. [Nisnevich Yu. A. *Istoricheskaya retrospektiva korruptsii s utocnieniyami i dopolnieniyami*. [Historical Retrospective of Corruption: Specified and Supplemented]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 3, pp. 90-100.]
- Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation, Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, London, Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.
- Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. Большой юридический словарь. Под ред. Сухарева А. Я., Крутских В. Е. Москва, Инфра-М, 2003. 704 с. [Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. i dr. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Great Law Dictionary]. Sukhareva A. Ya., Krutskikh V. E., eds. Moscow, Infra-M, 2003. 704 p.]
- Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. Москва, Аспект Пресс, 2008. 575 с. [Solov'ev A. I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Politology: Political Theory, Political Technologies]. Moscow, Aspekt Press, 2008. 575 p.]
- Карозерс Т. Конец парадигмы транзита. *Политическая наука*, 2003, № 2, сс. 42-65. [Carothers T. *Konets paradigmy tranzita* [The End of the Transition Paradigm]. *Politicheskaya nauka*, 2003, no. 2, pp. 42-65.]

14. Мельвил А. Ю. Демократические транзиты. *Политология. Лексикон*. Под ред. А. И. Соловьева. Москва, РОС-СПЭН, 2007, сс. 123-134. [Mel'vil' A. Yu. Demokraticheskie tranzity [Democratic Transitions]. *Politologiya. Leksikon*. Solov'ev A.I., ed. Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 123-134.]
15. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Москва, АСТ, 2007. 588 с. [Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and The Last Man]. Moscow, AST, 2007. 588 p.]
16. Гевелинг Л. В. *Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти*. Москва, Изд-во "Гуманитарий" Академии гуманитарных исследований, 2001. 592 с. [Geveling L. V. *Kleptokratiya. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoi ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsii vlasti* [Kleptocracy. The Socio-Political Dimension of Corruption and Negative Economy. Fighting of an African State with Destructive Forms of Power Organization]. Moscow, Izd-vo "Gumanitarii" Akademii gumanitarnykh issledovaniy, 2001. 592 p.]
17. Нисневич Ю. А. Коррупция как фактор современной политики. *Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012*. Москва, Российская политическая энциклопедия, 2012, сс. 327-346. [Nisnevich Yu. A. Korruptsiya kak faktor sovremennoi politiki [The Corruption as a Factor of Modern Politics]. *Vlast' i politika: institucional'nye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2012* [Power and Politics: Institutional Challenges of the 21st Century. Political Studies: Annual 2012]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2012, pp. 327-346.]
18. *The Gambia – History. Encyclopedia of the Nations*. Available at: <http://www.nationsencyclopedia.com/Africa/The-Gambia-HISTORY.html> (accessed 19.11.2015).
19. *Ethiopia – History. Encyclopedia of the Nations*. Available at: <http://www.nationsencyclopedia.com/Africa/Ethiopia-HISTORY.html> (accessed 19.11.2015).
20. Нисневич Ю. А. Метод сопоставительно-институционального анализа. *Мировая экономика и международные отношения*, 2011, № 5, сс. 76-84. [Nisnevich Yu. A. Metod sopostavitel'no-institutsional'nogo analiza [The Method of Comparative-Institutional Analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2011, no. 5, pp. 76-84.]
21. *Freedom in the World 2015*. Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015#.VQVWN039mN1> (accessed 19.11.2015).
22. *Data*. The World Bank. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator> (accessed 19.11.2015).
23. *Encyclopedia of the Nations*. Available at: <http://www.nationsencyclopedia.com/> (accessed 19.11.2015).
24. *Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник*. В 4-х тт. Москва, ОАО "Московские учебники и Картолитография", Аспект-Пресс, 2009–2014. [*Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Entsiklopedicheskii spravochnik* [The Political System of Modern States: Encyclopedic Guide]. V 4-x tt. Moscow, ОАО "Moskovskie uchebniki i kartolitografiya", Aspekt-Press, 2009–2014.]
25. *Corruption Perceptions Index 2014*. Transparency International. Available at: <http://www.transparency.org/cpi2014> (accessed 19.11.2015).
26. Бажанов П. Какие преступления в КНР наказываются смертной казнью? *CNLegal.ru*, 28.01.2014. [Bazhanov P. Kakie prestupleniya v KNR nakazyvayutsya smertnoi kazn'yu? [What Crimes in China Are Punished by Death?] *CNLegal.ru*, 28.01.2014.] Available at: http://cnlegal.ru/criminal_law/china_death_penalty_crime_list/ (accessed 19.11.2015).
27. Аронов Е. Большая китайская "чистка рядов". *Радио Свобода*, 15.08.2014. [Aronov E. Bol'shaya kitaiskaya "chistka ryadov" [Big Chinese "Cleaning Files"]. *Radio Freedom*, 15.08.2014.] Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/26527516.html> (accessed 19.11.2015).
28. Бывшего министра безопасности Китая обвинили в коррупции и разглашении государственных секретов. [China's Former Security Minister Accused of Corruption and Disclosing State Secrets. (In Russ.)] *NEWSru.com*, 03.04.2015. Available at: <http://newsru.com/world/03apr2015/china.html> (accessed 19.11.2015).
29. *The Worldwide Governance Indicators (WGI) Project*. The World Bank. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp> (accessed 19.11.2015).
30. Profile: Paul Kagame. *Aljazeera*, 2010. Available at: <http://www.aljazeera.com/news/africa/2010/08/20108815354614143.html> (accessed 19.11.2015).
31. Армия Таиланда объявила, что берет под контроль правительство и намерена проводить политические реформы. [The Army of Thailand Announced that It Is Taking Control of the Government and Intends to Carry out Political Reforms (In Russ.)] *NEWSru.com*, 22.05.2014. Available at: http://newsru.com/world/22may2014/thailand_army.html (accessed 19.11.2015).
32. *Singapore*. The World Bank. Available at: http://data.worldbank.org/country/singapore#cp_wdi (accessed 19.11.2015).
33. Гурьев С. Наследство Ли Куан Ю. [Guriev S. Nasledstvo Lee Kuan Yew [The Heritage of Lee Kuan Yew] *SLON*, 23.03.2015. Available at: <https://slon.ru/posts/49589> (accessed 19.11.2015).

34. Ли Куан Ю. *Сингапурская история, 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый*. Москва, МГИМО-Университет, 2010. 657 с. [Lee Kuan Yew. *Singapurskaya istoriya, 1965–2000 gg. Iz tret'ego mira – v pervyi* [From the Third World to the First: The Singapore Story 1965–2000]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2010. 657 p.]
35. *The Global Competitiveness Report 2014–2015*. The World Economic Forum. Available at: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014–2015#> (accessed 19.11.2015).
36. *Corruption Perception Index*. Transparency International. Available at: <http://www.transparency.org/research/cpi/overview> (accessed 19.11.2015).
37. *Singapore*. Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2014/singapore#.VRK3R039mN0> (accessed 19.11.2015).
38. Олсон М. *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. Москва, Новое издательство, 2012. 212 с. [Olson M. *Vlast' i protsvetanie. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2012. 212 p.]
39. Guriev S., Treisman D. *How Modern Dictators Survive: Co-optation, Censorship, Propaganda, and Repression*. February 2015. Available at: <http://econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/guriev/GurievTreismanFeb19.pdf> (accessed 19.11.2015).
40. *Fragile States Index*. The Fund for Peace. Available at: <http://library.fundforpeace.org/fsi> (accessed 19.11.2015).

MODERN AUTHORITARIANISM AND CORRUPTION

(*World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 1, pp. 108–120)

Received 04.04.2016.

Yuliy A. NISNEVICH (nisjulius@gmail.com),

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.

This paper focuses on the link between the modern authoritarianism and corruption. Even though corruption plays an important role in Communist regimes, post-colonial dictatorships and authoritarian monarchies, coercion, which is a traditional tool used by authoritarian rulers, remains the basis of these regimes. However, a new type of non-democratic regimes, which we call neo-authoritarian, has emerged since the last quarter of the 20th century. The new regimes are based on a dynamic interplay between coercion and corruption. That interplay allows authoritarian rulers to bring either coercion or corruption to the forefront, depending on the current political situation in the country as well as political, economic and social issues on the political agenda. In this type of regimes, ruling political-economic groups capture the state and the public authority in the country, use all their instruments and resources to achieve their private goals. This paper presents empirical results showing that the Communist regimes, dictatorships and authoritarian monarchies exist in 33 modern non-democratic states, while neo-authoritarian regimes can be found in 19 states. The author shows that high levels of corruption are typical of all of these regimes, especially of dictatorships and neo-authoritarian ones. A relatively lower level of corruption in authoritarian monarchies is explained using Olson's theory of stationary bandit. In particular, the author speculates that the ruling monarchs fight corruption among bureaucrats since they perceive it as stealing their own property that damages the sources of their administrative rent and revenues. At the same time, a high-level political corruption persists. Finally, it is demonstrated that dictatorships are on average more fragile than economically elastic neo-authoritarian regimes, although it might be challenging to differentiate between them. All authoritarian and neo-authoritarian regimes, except for a few monarchies, are non-stable regimes, allowing to hypothesize their coming transformations or collapse.

Keywords: authoritarianism, corruption, coercion, neo-authoritarian regime, fragile state.

About author:

Yuliy A. NISNEVICH, Doctor of Political Science, Professor at the Department of Political Science.

DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-1-108-120